

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.3.6
EDN: OPOQDN

Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ¹, П.А. АМБАРОВА¹

¹ Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. 620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.

ПОКОЛЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ ВУЗОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФЕНОМЕНА¹

Аннотация. Актуальность социологического осмысления феномена поколений образовательных общностей в вузах обусловлена необходимостью создания теоретических оснований поколенческих исследований в высшем образовании. Общая теория поколений нуждается в адаптации к особенностям поколенческой ситуации в высшей школе. Проблема, рассматриваемая в статье, заключается в отсутствии социологической трактовки поколений главных субъектов высшего образования — научно-педагогических и административно-управленческих работников, студентов — на понятийном уровне и как реального социального феномена. Цель статьи состоит в разработке теоретико-методологических положений, раскрывающих сущность феномена поколения вузовской образовательной общности с позиций социологии. В статье представлены методологические подходы к изучению поколений, релевантные для высшего образования. Дана трактовка понятия поколения образовательной общности в вузе в контексте классической теории К. Мангейма и теории социальной общности. Раскрыты основные общностнообразующие признаки поколения вузовской образовательной общности. Рассмотрены структура и функции поколений трех вузовских образовательных общностей.

Ключевые слова: теория поколений; высшее образование; вузовские образовательные общности; поколение вузовской образовательной общности; научно-педагогические и административно-управленческие работники вузов; студенты; функции поколений вузовских образовательных общностей.

Для цитирования: Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Поколения образовательных общностей вузов: социологическая интерпретация феномена // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 3. С. 100–119. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.3.6 EDN: OPOQDN

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00206. URL: <https://rscf.ru/project/25-18-00206/>

Введение

Проблема поколений традиционно является одной из самых дискутируемых в социологии [13; 16; 26]. При этом изменения современного общества постоянно «подогревают» исследовательское внимание к ней, актуализируя разработку ее новых направлений. Так, процессы трансформации российского высшего образования стимулируют переосмысление феномена поколений в высшей школе. Среди предпосылок активизации интереса к обозначенной теме — тенденция старения академического сообщества [11; 18], с трудом преодолеваемая, несмотря на предпринимаемое на государственном уровне регулирование возрастной структуры вузов² и меры поддержки вузовской молодежи [6]. Кроме названной тенденции, исследователи отмечают признаки латентного кризиса поколенческих отношений и взаимодействий в вузах [1; 19], затрагивающего основные вузовские образовательные общности — научно-педагогических и административно-управленческих работников (НПР и АУР), а также студентов.

Понимание возможностей конструктивного регулирования поколенческих отношений в вузовской среде, максимально полного раскрытия в интересах вузов ресурсного потенциала разных поколений каждой образовательной общности базируется на концептуальной разработке проблемы поколений образовательных общностей. Социологическая интерпретация феномена поколений образовательных общностей выступает ядром концепции поколенческих взаимодействий образовательных общностей в российских вузах.

Несмотря на глубокое теоретическое осмысление и имеющиеся эмпирические исследования поколений на уровне общества, подобные социологические изыскания в сфере высшего образования не получили достаточного развития. Между тем поколенческая проблематика в высшей школе имеет свою специфику, обусловленную особенностями ее субъектов (образовательных общностей), основными видами их деятельности, способами внутри- и межобщностного взаимодействия.

Все эти обстоятельства актуализируют цель статьи, состоящую в социологической интерпретации феномена поколений вузовских образовательных общностей. Ее содержание составляет изложение следующих исследовательских вопросов: 1) трактовка понятия поколения образовательной общности в вузе; 2) рассмотрение основных общностнообразующих признаков поколения вузовской образовательной общности; 3) конкретизация структуры и функций поколений трех вузовских образовательных общностей — НПР, АУР и студентов.

Два методологических подхода к понятию поколения образовательной общности в вузе

В разработке понятия поколения образовательной общности в вузе³ мы исходим из представления о двух методологических подходах к пониманию поколения, сложившихся в социально-гуманитарном знании. Первый подход —

² Паспорт национального проекта «Наука и университеты». — URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/2022/06/%D0%9D%D0%9F%20%D0%9D%D0%B0%D1%83%D0%BA%D0%B0%20%D0%B8%20%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82%D1%8B.pdf> (дата обращения 31.07.2025).

³ Далее для краткости опустим в данном определении словосочетание «в вузе», по умолчанию понимая под образовательными общностями только вузовские образовательные общности.

продольный (лонгитюдный) — предлагает рассматривать поколение как некую общность людей, появление, функционирование и исчезновение которой отражают историческую динамику развития общества. Примерами поколенческих концепций, сформировавшихся в рамках данной методологии, являются концепция «поколений по годам» У. Штрауса и Н. Хау [28] и все современные варианты ее развития [3; 25], поколенческо-функциональный анализ российской социологии Б.З. Докторова [4].

Второй — поперечный — подход ассоциируется с социально-демографическим, поскольку он наиболее популярен в демографических исследованиях [21] и предлагает рассматривать условные поколения как группы людей, выделенные преимущественно по возрастному критерию и сосуществующие одновременно — в одном временном континууме. Именно в таком смысле Ю.А. Левада писал о возможности исследования «демографического поколения» [14].

Признавая ограниченность использования только одного демографического критерия (возраста), социологи обогатили данный подход иными социальными признаками поколения, в том числе такими, как единство социально-исторических или социокультурных условий формирования поколения как социальной общности, мировоззренческие установки, ценностные ориентации, образ жизни, сходный опыт и общая конфигурация жизненного пути [23, с. 3]. Приведем в качестве характерной для данной методологии трактовку понятия поколения М.Б. Глотова: «Поколение — объективно складывающаяся социально-демографическая и культурно-историческая общность людей, объединенных границами возраста и общими условиями формирования и функционирования в конкретно-исторический период времени» [2, с. 42].

У обоих названных подходов в социологии единый родовой корень — теория поколений К. Мангейма [16]. Особенность его трактовки состояла в дуальном толковании поколения: с одной стороны, как возрастного феномена (основанного на биологическом ритме рождения и смерти, но не выводимого из него)⁴, а с другой — как особого объединения людей, сформировавшегося в одном историческом и социокультурном контексте на основе участия в общей судьбе. К. Мангейм отмечал, что поколение представляет собой местоположение «запечатленных в историко-социальном процессе “возрастных групп”», реальность которых определяется сменой поколений [16, с. 26] и усвоением формообразующих и интерпретативных принципов понимания и оценивания событий [16, с. 40]. К. Мангейм рассматривал не только историческую смену поколений как обязательное условие существования данного феномена, но и особенности взаимодействия поколений современников. К идеям К. Мангейма мы обратимся еще раз, когда перейдем к рассмотрению сущностных черт феномена поколения. Пока же отметим многозначность и богатство методологических установок поколенческого анализа, заложенных немецким социологом.

Для изучения поколений в контексте высшего образования привлекательны и первый и второй методологические подходы. В литературе (хотя и немногочисленной) приводятся результаты исследований студентов-шестидесятников, студен-

⁴ Говоря о возрасте, К. Мангейм писал о социологической уместности биологических факторов рождения и смерти как двух точек, определяющих возраст человека.

тов перестройки [24] и студентов-миллениалов [19] в рамках продольного подхода, иллюстрирующие динамику поколений студенчества, их историко-сравнительный анализ. В то же время встречаются исследования на основе поперечного подхода, объектом которых выступают молодое, среднее и старшее поколения такой вузовской общности, как НПР [11; 20].

Поколенческий анализ в обоих методологических направлениях не отличается системностью и охватом всех поколений. Кроме того, исследования опираются на общую теорию поколений, совершенно не адаптированную под контекст высшей школы. В лучшем случае в качестве теоретического компонента исследований в современных публикациях приводится обзор дефиниций общего родового понятия «поколение».

На наш взгляд, выбор методологического ракурса важен не только для того, чтобы разграничить в исследовании принципы первого и второго подходов, но и как раз для того, чтобы оценить возможности интеграции некоторых из них для «схватывания» и структурирования сущностных черт феномена поколений образовательных общностей во всем их многообразии. В этом плане ориентиром для нас служат интегративные по своему характеру идеи К. Мангейма.

Понятие поколения образовательной общности в вузе

Прежде чем представить авторское определение понятия поколения образовательной общности, обозначим условия, которые задают направление и границы нашего категориального анализа.

Во-первых, рассматриваемое понятие должно отражать ключевые социальные характеристики и особенности вузовских образовательных общностей, а именно НПР, АУР и студентов. При этом речь идет о характеристиках, универсальных для всех трех субъектов высшего образования. В то же время понятие поколения образовательной общности должно позволить в дальнейшем теоретическом и эмпирическом анализе конкретизировать эти характеристики и особенности в отношении каждой общности с учетом ее положения и продолжительности пребывания в системе высшего образования и в университетском сообществе, содержания академической деятельности.

Во-вторых, с опорой на идею К. Мангейма о значении возраста как естественной основы возникновения поколения (но не единственного основания для его существования как социального феномена), исходной методологией был выбран поперечный подход, согласно которому в университетском сообществе в качестве современников сосуществуют три поколения образовательных общностей — молодое, среднее и старшее. При этом важным направлением нашего анализа является поиск (пересмотр) тех важнейших социальных критериев, которые «социологически уместны» (по выражению немецкого социолога) для максимально полного описания феномена поколения образовательной общности в вузе.

Соответственно, в-третьих, предлагаемое понятие поколения образовательной общности должно указывать не только на возрастную схожесть его представителей, но и на схожесть их социокультурных характеристик и функций в системе поколенческих отношений и взаимодействий внутри вузовской среды. Если

К. Мангейм указывал на схожесть местоположения представителей поколения в социальном пространстве как на его исходную социальную основу (подчеркивая тем самым принцип структурного анализа), то в нашем исследовании предпринято такое направление поиска, которое связано с социальными ролями поколения (принцип функционального анализа). На наш взгляд, это может трактоваться как продолжение мангеймовской идеи рассматривать поколение как отражение социальной динамики (омоложение общества), социального процесса (изменения общества), социального действия (участие в «общей судьбе» поколения, обеспечение преемственности).

В-четвертых, помня о необходимости принятия наименования коллективного субъекта поколения и понимая ограниченность термина «объединение людей», будем опираться на теорию социальной общности. Работа К. Мангейма [16] и в этом случае служит для нас опорой, поскольку в ней прослеживается попытка поиска обобщающей категории наименования. Немецкий социолог рассуждал о возможности и невозможности назвать поколение социальной группой, социальной структурой, социальной общностью (в тённисовском понимании), но так и не сделал окончательного выбора наименования. Между тем в одной из заключительных глав своего очерка он без всяких пояснений называет поколение общностью. В нашем анализе предпринята попытка обосновать использование в поколенческом анализе термина «общность» с учетом современных положений теории социальной общности.

Обозначенные условия нашли отражение в нашей трактовке *поколения образовательной общности в вузе*, которое рассматривается нами как относительно единое и автономное объединение близких по возрасту представителей вузовской образовательной общности, имеющих схожие социокультурные характеристики (ценности, интересы, потребности), общие функции и положение в системе поколенческих отношений и взаимодействий в вузе.

В структуре каждой образовательной общности можно выделить три поколения (молодое, среднее и старшее) на основании критерия схожего возраста. В отличие от поколений в структуре общества, поколения образовательных общностей не подчиняются в прямом смысле биологическому ритму рождения, жизни и смерти и не могут состоять только из людей, рожденных в какой-то один календарный год. Поколения в вузе формируются благодаря социальным предписаниям, позволяющим индивидам на определенном этапе жизненного пути становиться частью университетского сообщества. Так, если не брать в расчет уникальные случаи поступления в университет 9–10-летних подростков, средний возраст первокурсников в настоящее время составляет 17–18 лет. Именно этот возраст можно считать нижней границей молодого поколения студентов. Так же условно обозначается нижняя граница молодого поколения НПР и АУР, которая сегодня приходится на возраст 24–25 лет, когда бывшие студенты становятся сотрудниками университета. Что касается верхней границы старших поколений образовательных общностей, то в условиях парадигм *Life Long Learning* и активного долголетия (в том числе профессионального) ее очерчивание является дискуссионным вопросом.

В целом определение границ молодого, среднего, старшего поколений студентов, НПР и АУР представляется сложной аналитической задачей. П. Бурдьё утверждал, что «профессиональный рефлекс социолога сразу должен подсказы-

вать, что любое возрастное деление условно» и что «в любом обществе рубеж между молодостью и старостью становится предметом борьбы» [27]. Во-первых, возрастные границы НПР, АУР и студенчества не совпадают: молодое (а также среднее и старшее) поколение студентов не тождественно молодому (среднему, старшему соответственно) поколению сотрудников вуза. Во-вторых, задача определения границ поколений может быть решена двумя способами: нормативным (например, законодательным установлением возраста молодого ученого) и конвенциональным. Последний также реализуется двумя путями: либо через легитимацию стереотипных представлений о границах возраста, сложившихся в университетском сообществе, либо через некую научную традицию, сложившуюся в сообществе исследователей высшего образования. Однако и в этом случае вопрос о границах возраста постоянно подвергается переинтерпретации.

Таким образом, зафиксированная в нашей дефиниции базовая характеристика-основание поколения (возраст) приобретает особое значение для трактовки реального поколения образовательной общности. Действительно, в данном случае можно говорить только о *схожем возрасте представителей поколения образовательной общности* и о *конвенциональности его возрастных границ*. Конкретизация этого параметра в отношении студенчества, НПР и АУР дает представление о сложной поколенческой структуре университетского сообщества, отнюдь не идентичной поколенческой структуре общества (хотя в каких-то аспектах и схожей с ней).

Более того, вопрос о границах поколений образовательных общностей приобретает сегодня на практике политико-управленческую окраску в связи с озабоченностью университетского менеджмента такими вопросами, как омоложение НПР, ограничение возраста топ-менеджмента университетов, тенденция «взросления» студенчества, выработка мер бесконфликтного ухода старшего поколения или социальные технологии успешного кадрового старения. Последние два аспекта становятся особенно актуальными в условиях стареющего общества, объективно испытывающего дефицит качественного человеческого капитала, в том числе в сфере высокопрофессионального труда.

Вслед за К. Мангеймом мы склонны называть объединение представителей поколения социальной общностью, точнее, *поколенческой общностью*, хотя этот термин и не использован в авторской дефиниции. Поскольку в определении уже присутствует упоминание НПР, АУР и студентов как вузовских общностей, мы стремились избежать тавтологии и нагромождения схожих по звучанию терминов. В действительности же поколение обладает общностнообразующими признаками в той же мере, в какой ими обладают его субъекты — образовательные общности. Поколения НПР, АУР, студентов есть разновидности социальной общности, если рассматривать их в качестве самостоятельного образования и структурного элемента вузовской образовательной общности.

К. Мангейм, пытаясь сделать выбор между социальной общностью и социальной группой, указывал, что поколения в структуре общества, с одной стороны, не связаны органическими связями (признак общности), а с другой — не имеют общей рациональной цели (признак группы и организации). В контексте нашего исследования проблема, которую решал Мангейм, отчасти снимается тем обстоятельством, что в пространстве вуза НПР, АУР, студенты оказываются внутренне объединены именно органическими связями, возникающими на основе эмо-

циональных непосредственных контактов, духовной близости и корпоративной солидарности. Современные исследователи полагают, что вытеснение таких органических связей рационализированными разрушает саму идею университета как социальной корпорации, размывает ее субъектность, способность к автономии, саморазвитию, саморегуляции [12; 17]. То есть кризис современного университета — это кризис общностных, органических связей как всего университетского сообщества, так и его отдельных элементов (например, научно-педагогического сообщества).

Общностнообразующие признаки вузовских поколений

Представления о признаках вузовских образовательных общностей, рассмотренные нами ранее [7, с. 102–110], можно экстраполировать на их поколения.

К основным признакам, присущим обоим видам социальных общностей (образовательной и поколенческой), можно отнести *доминирование в их образе жизни академической деятельности*. Ее особенности и содержание (в привязке к каждой конкретной образовательной общности) оказывают формообразующий и структурирующий эффекты на поколенческую общность, а именно задают ее границы, структуру внутр поколенческих групп (поколенческих секций, по Мангейму), их численность. Так, различия между поколениями студенчества в некоторой степени определяются уровнями и формами получаемого высшего образования. Молодое поколение (до 24 лет) — самое многочисленное — преимущественно составляют студенты бакалавриата и специалитета очной формы обучения. Среднее и старшее поколения (24–34 года и 35 лет и старше соответственно) — это студенты-заочники бакалавриата и магистратуры.

Особенности основных видов академической деятельности, осуществляемой НПП, АУР или студентами, определяют также характер межпоколенческих и внутр поколенческих отношений образовательных общностей. Например, вузовские научные и научно-педагогические школы или научное наставничество, в рамках которых осуществляются научные исследования и кадровое воспроизводство НПП, представляют собой важнейшие социальные институты, обеспечивающие межпоколенческую преемственность, трансфер научных ценностей, теоретических и методологических традиций. Кроме того, структурно-функциональный анализ поколений образовательных общностей показывает, что их функции (которые будут рассмотрены далее) — суть производные от доминирующих видов академической деятельности, характерных для разных поколений той или иной образовательной общности.

Другим важнейшим признаком поколенческой общности в вузе является ее *взаимодействие с иными поколениями собственной образовательной общности и с поколениями иных вузовских общностей*. Поведенческие модели поколения и его стратегии межпоколенческих взаимодействий — аналитические конструкты, позволяющие фиксировать и описывать автономность поколения как особого коллективного субъекта, способного вырабатывать надындивидуальные паттерны социального действия. Межпоколенческое взаимодействие обусловлено способами реагиру-

ния на присутствие и действия иных поколений, которые наработаны и «одобрены» поколенческой общностью. В этом взаимодействии проявляются поколенческая идентичность («наше поколение»), образ поколения, поколенческие авто- и гетеростереотипы, выступающие элементами поколенческого самосознания.

Рассматриваемый общностнообразующий признак тесно связан с конструированием межпоколенческого порядка в высшем образовании, который, в свою очередь, интегрирован в социальное пространство вуза. Взаимодействия молодого, среднего, старшего поколений НПР, АУР и студентов формируют и структурируют это пространство. Поскольку оно дифференцировано на сегменты (образовательный, научный, инновационный, общественно-публичный и др.), при наложении на них матрицы межпоколенческих взаимодействий трех образовательных общностей получим сверхсложное по своей «архитектуре» социальное образование. Исходя из логики теории П. Бурдьё, можно наблюдать в каждом сегменте вузовского пространства точки поляризации, напряжения, конкуренции или, напротив, сближения поколенческих общностей. Вузовское пространство предстает отнюдь не простым, однородным, унифицированным, а сложно структурированным и наполненным собственной социальной «драматургией».

Межпоколенческий порядок характеризуется диапазоном форматов поколенческих взаимодействий — от кризисных форм (межпоколенческий конфликт, межпоколенческая конкуренция и дискриминация) до консенсуса (межпоколенческая толерантность и солидарность, межпоколенческое сотрудничество и реципрокность). Особенностью данных форматов поколенческого взаимодействия образовательных общностей можно считать их реализацию в вузовской среде в двух плоскостях — повседневно-бытовой и профессионально-академической.

Повседневно-бытовое взаимодействие между поколениями образовательных общностей имеет много схожих черт с повседневно-бытовым взаимодействием поколений в обществе, которое подверглось инверсии и приобрело префигуративный характер. Что же касается профессионально-академического межпоколенческого взаимодействия, то в нем отчетливо проявляется специфика университетской среды, которая по-прежнему регулируется традиционными профессионально-этическими нормами, статусными правилами, институтом академического авторитета. Инверсия межпоколенческих отношений затрагивает здесь (бесконфликтно) лишь технологические аспекты. Попытки (в том числе политико-управленческие) изменить межпоколенческий порядок приводят к конфликтности и дисфункциональности высшей школы. По аналогии с институтом государственного управления, имеющим чрезвычайно устойчивый, консервативный характер, высшая школа как институт может сохранить себя благодаря классическому наследию и фундаментальному знанию [22, с. 285–301]. Их носителями и «хранителями» выступает старшее поколение, а восприимчивыми — младшее. Отказ от этих существенных черт высшего образования означает трансформацию его межпоколенческого порядка и, по сути, превращение высшей школы в новый социальный институт.

Два общностнообразующих признака поколения, рассмотренных выше, выполняют в основном формообразующую и структурирующую роль. Наряду с ними существуют признаки, соответствующие в определенном смысле понятию «энтелехия поколения» К. Мангейма, использованному им для обозначения специфического духовного «импульса», «опыта», «стиля», присущих каждому поколению.

Важнейшими признаками поколенческой общности в вузе выступают ее *сознание и самосознание*. Поколенческое сознание образовательной общности представляет собой понимание ее представителями своего места в университетском сообществе и в системе его поколенческих отношений и взаимодействий. Самосознание поколения образовательной общности — это осознание представителями данного поколения своей автономности от других поколений собственной или иных образовательных общностей как понимание целостности своей поколенческой общности, которой присущи определенные потребности, ценности, интересы, образ жизни.

Именно сознание и самосознание поколенческой общности концентрируют социокультурные характеристики (ценности, интересы, потребности), которые служат ее идентификаторами, а также фокусы поколенческой солидарности. Б. Дубин, определяя сущность поколения, указывал на нормативный характер поколенческого самосознания. Оно служит рамкой соотнесения себя с «другими “по горизонтали” — такими же, как и “ты”» [5, с. 47]. Для поколений образовательных общностей самоидентификация и образ своего поколения — это способ понимания ими своих целостности, автономности, отличия от других поколенческих общностей, осознания себя в качестве самостоятельного субъекта социального действия.

Если демографический возраст поколенческой общности в вузе задает ее границы объективно, то сознание и самосознание конструируют их символически. Этим объясняется тот факт, что некоторые пограничные внутр поколенческие группы (поколенческие секции) НПР и АУР чувствуют сильную близость к «соседним» поколениям и образуют так называемые «буферные», переходные поколения, микст-поколения. Сдвиги нормативных границ поколений (увеличение молодого и пенсионного возрастов) также способствуют расширению и размытости границ вузовских поколений, нарастанию внутр поколенческих различий в университетском сообществе.

Схожие условия формирования поколенческих общностей и понимание ими общих интересов, ценностей, «миссии» в системе межпоколенческих взаимодействий в вузе задают основания их идентификации с определенным поколением. Исходя из этого формируются специфический образ жизни поколения, его устойчивость и способность к воспроизводству, склонность к особым моделям поведения и взаимодействия с другими поколениями как внутри собственной образовательной общности, так и за ее границами.

Ресурсность выступает обязательным общностнообразующим признаком поколений образовательных общностей. Поскольку признаки поколенческой общности рассматриваются нами изоморфно признакам образовательной общности, представления о структуре ресурсности последней можно экстраполировать на поколение. Ресурсность поколенческой общности представляет собой запас актуальных и потенциальных ресурсов НПР, АУР и студентов [8]. Среди них в качестве универсальных для всех образовательных общностей можно выделить социально-демографический (численность, гендерный состав, особенности возраста), исследовательский и публикационный, морально-нравственный, коммуникативный (социальные связи), символический, темпоральный ресурсы.

Поколения НПР также характеризуются наличием таких ресурсов, как научно-педагогическая квалификация, научные коллективы (в том числе научные школы), наставничество, образовательно-педагогический ресурс. Специфическими для поколений студентов являются когнитивные (предметные и метапредметные компетенции, востребованные в их образовательной и научно-исследовательской деятельности), поведенческие (образовательная и достижительная мотивация, способность к профессиональному самоопределению, ценностное отношение к учебному труду), а также предиктивные (здоровье, культурный, нравственный, социальный капитал) ресурсы [9]. Особыми для поколений АУР можно считать объем управленческой (административной) власти, право обладать и распоряжаться ею, профессиональные компетенции в области университетского управления и образовательной политики, социально-психологические ресурсы, востребованные в административно-управленческой деятельности (деловитость, предрасположенность к управленческой работе, лидерство, инновационность и готовность к рискам, системное мышление).

Ресурсность поколений образовательных общностей служит важным маркером межпоколенческих различий и, соответственно, одним из направлений их сравнительного анализа. Ресурсность разных поколений обеспечивает способность образовательных общностей к выполнению тех видов академической деятельности, в которые они вовлечены. Кроме того, ресурсность влияет на поколенческие взаимодействия (внутри- и межобщностные) и определяет статус поколенческой общности в иерархической структуре университетского сообщества.

Для НПР, АУР и студентов общностнообразующим признаком является их способность к *идентификации себя с одним из главных субъектов вузовской жизнедеятельности*. На уровне поколенческой общности этот признак трансформируется в идентификацию поколений НПР, АУР или студентов с определенной функциональной ролью в системе поколенческих отношений, а также в особое качество — субъектность поколения.

Под субъектностью поколений вузовских образовательных общностей понимается активность поколенческой общности в вузе, ее общая способность к сохранению целостности и относительной автономности, к самоорганизации, самоконтролю и самовоспроизводству. На наш взгляд, молодое, среднее и старшее поколения вузовских общностей могут иметь разные проявления субъектности, конкретизирующиеся в функциях. Функции поколения образовательной общности представляют собой набор задач, которые реализуются в системе внутри- и межпоколенческих отношений, складывающихся в вузе и в целом в высшем образовании. Сформированная субъектность и функциональная зрелость поколенческой общности в вузе могут выражаться в самоприписывании ему особого статуса и роли основного «игрока», «столпа» университетского сообщества.

Анализ ключевых признаков поколенческих общностей в вузе формирует теоретическую рамку исследования поколений НПР, АУР и студентов в российских вузах. Благодаря ей в двух заключительных разделах статьи можно представить (хотя бы в общих чертах) структуру и функции этих поколений и наметить программу их эмпирического исследования.

Поколенческая структура образовательных общностей в российских вузах

Поколенческая структура современного вуза образована тремя поколениями — молодым, средним и старшим. Каждая вузовская образовательная общность — НПР, АУР и студенчество — характеризуется таким поколенческим устройством. Исходя из представлений об общностнообразующих признаках поколений, предлагаем отнести к молодому поколению студентов учащуюся молодежь до 23 лет, к среднему — в возрасте 24–34 лет, к старшему — в возрасте 35 лет и старше. Возрастные границы НПР и АУР можно унифицировать, если отнести к молодому поколению представителей этих общностей в возрасте до 35 лет, к среднему поколению — в возрасте 35–59 лет, к старшему — в возрасте 60 лет и старше. Детальное обоснование установления таких границ требует отдельной публикации, тем не менее обозначим общие причины такого подхода в нашем исследовании.

Прежде всего, отметим, что в соответствии с методологией поперечного исследования мы оперируем понятием «условное поколение», что позволяет в качестве первичного признака выбрать возраст представителей образовательной общности. Кроме того, границы поколений студенчества связываем с особенностями их образовательной деятельности, которые, как правило, коррелируют с возрастом и естественным образом объединяют студентов в поколенческие общности. Как было отмечено, подавляющее большинство студентов получают первое высшее образование по программам бакалавриата или специалитета по очной форме сразу после окончания школы. Среднее поколение студенческой молодежи приходит в вуз после 24–25 лет либо на заочные программы бакалавриата, либо в очную и заочную магистратуру. Что касается старшего поколения студентов, то оно получает исключительно заочное образование в силу семейной и трудовой занятости. Принимая во внимание установленную российским законодательством возрастную границу молодежи в 35 лет, полагаем, что нижнюю границу старшего поколения студентов (которое в зарубежных вузах именуют «нетрадиционным», то есть нетипичным) можно установить в этой возрастной точке.

Возрастные границы НПР и АУР привязаны нами прежде всего к нормативно установленным в России границам молодежного⁵ и пенсионного⁶ возрастов. Мы учитываем смещение этих двух границ примерно в пять лет (с 30 до 35 лет и с 55 до 60 лет) в связи с тенденцией старения населения страны в целом и академического сообщества в частности. Неслучайно В.Ф. Пугач считает, что академическое сообщество в России — одно из самых «зрелых» среди занятого населения [18]. Мы также ориентируемся на тот факт, что академическое сообщество сильно феминизировано (доля женщин в его структуре около 60%), следовательно, разумно было бы привязать границу старшего поколения к пенсионному возрасту женщин.

В таком подходе к установлению возрастных границ поколений видим расхождение с регулируемыми управленческими решениями в отношении возрастной структуры НПР. Методика расчета показателей мониторинга эффектив-

⁵ О молодежной политике в Российской Федерации. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ // Президент России. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328> (дата обращения 01.05.2025).

⁶ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий. Федеральный закон от 03.10.2018 № 350-ФЗ // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308156/ (дата обращения 21.06.2025).

ности вузов всегда содержала такой показатель, как доля НПР в молодом возрасте. В последние годы он постоянно корректировался. Так, в приказах Минобрнауки 2017 и 2020 гг. говорится об удельном весе численности лиц (педагогических работников) в возрасте до 30 лет в общей численности ППС⁷. В приказе Минобрнауки от 2024 г. он формулировался как доля работников в возрасте до 39 лет в общей численности НПР⁸. В мониторинге эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования с 2013 г. учитывается удельный вес численности НПР без ученой степени — до 30 лет, кандидатов наук — до 35 лет, докторов наук — до 40 лет в общей численности НПР⁹.

Анализ статистических данных Минобрнауки РФ показал, что в 2024 г. в вузах России работало всего 233 864 НПР. Среди штатных сотрудников было 216 520 человек профессорско-преподавательского состава (ППС) и 17 344 научных работника¹⁰.

В 2024 г. молодое поколение НПР включало 37 651 человека (16%), среднее — 131 793 человека (56%), старшее — 64 420 человек (28%). Нетрудно обнаружить, что в поколенческой структуре НПР доминирует среднее поколение, а удельный вес молодого поколения намного меньше плановых показателей (40% молодежи в общей численности ППС и 47,5% в составе научных работников), установленных в паспорте национального проекта «Наука и университеты»¹¹. В целом численность молодого поколения НПР сократилась за последние 10 лет на 4% (с 20% в 2015 г. до 16% в 2024 г.). Это произошло из-за сокращения доли ППС, при этом доля научных работников молодого поколения за указанный период увеличилась с 12 до 19%, видимо, благодаря государственной поддержке молодых ученых.

⁷ Об утверждении показателей мониторинга системы образования (с изменениями и дополнениями). Приказ Министерства образования и науки РФ от 22.09.2017 № 955 // Гарант. — URL: <https://base.garant.ru/71787160/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/?ysclid=mdojob0hnmh537125952>; Об утверждении показателей мониторинга системы образования в установленной сфере ведения Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Приказ Минобрнауки России от 22.12.2020 № 1566. — URL: <https://i-exam.ru/sites/default/files/sites/default/22.12.2020%20N%201566.pdf> (дата обращения 29.07.2025).

⁸ Об утверждении показателей эффективности деятельности федеральных бюджетных и автономных образовательных учреждений высшего образования, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, и работы их руководителей, по результатам достижения которых устанавливаются выплаты стимулирующего характера руководителям таких учреждений. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 08.07.2024 № 441 // Гарант. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409395399/?ysclid=mdojwepch784860377> (дата обращения 29.07.2025).

⁹ Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования. — URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo&year=2023> (дата обращения 31.07.2025).

¹⁰ Здесь и далее указаны результаты расчетов по данным формы № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры». — URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения 31.07.2025).

¹¹ Паспорт национального проекта «Наука и университеты». — URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/2022/06/%D0%9D%D0%9F%20%D0%9D%D0%B0%D1%83%D0%BA%D0%B0%20%D0%B8%20%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82%D1%8B.pdf> (дата обращения 31.07.2025).

По данным на 2024 г., общая численность АУР составила 110 021 человека, включая 22 113 человек руководящего состава разного уровня¹². Количество АУР из категории руководящего состава за 10 предыдущих лет (с 2015 по 2024 г.) сократилось на 33%. Численность поколений АУР выглядит следующим образом: молодое — 26 338 человек (23,9%), среднее — 54 618 человек (49,6%), старшее — 29 065 человек (26,5%). Если рассматривать только группу руководителей, то ее поколенческая структура выглядит несколько иначе: молодое поколение — 274 человека (1%), среднее — 14 011 человек (63%), старшее — 7 828 человек (36%). Следовательно, доли среднего поколения в общностях НПР и АУР сопоставимы, и они доминируют в структуре той и другой образовательных общностей. Наибольшие колебания численности АУР за последние 10 лет наблюдались среди представителей молодого поколения АУР: их общее количество уменьшилось на 3%.

Анализ количественных характеристик студенчества в 2024 г. показал, что сохраняется высокий интерес молодежи к высшему образованию. Общая численность студенчества в указанном году составляла 4 431 687 человек. Соотношение студентов бакалавриата, специалитета и магистратуры — соответственно 2 950 895 (66,6%), 901 130 (20,3%) и 579 662 человека (13,1%). Поколенческую структуру студенчества в 2024 г. составили 72% представителей молодого поколения, 20% — среднего, 8% — старшего.

Из приведенных данных следует, что студенчество продолжает оставаться самой многочисленной вузовской общностью. Однако очевидно и другое: оно более не обладает статусом исключительно молодежной общности, поскольку 8% студентов — старше 35 лет, то есть выходят за верхнюю нормативно установленную возрастную границу молодежи¹³.

Имеет смысл обратить внимание еще на одно важное обстоятельство: наименьшую долю студентов магистратуры в составе всей общности в сравнении с другими группами студенчества. Дело в том, что именно эти студенты своей относительной немногочисленностью (и не всегда высоким качеством получаемого образования) ослабляют «поколенческую» роль среднего и старшего поколений всей общности, поскольку выступают (должны выступать) основой кадрового резерва вузовской науки.

Функции поколений образовательных общностей в вузе

Рассмотрение поколений образовательных общностей как социального феномена предполагает не только его структурную, но и функциональную характеристику. Структурно-функциональный анализ поколений образовательных общностей помогает понять как поколенческое устройство университетского сообщества, так и предназначение каждого его структурного компонента. Вопрос К. Мангейма «что может дать нам молодежь и что может ждать от нас молодежь?»

¹² Численность АУР рассчитывалась по показателям численности работников из категории руководящего персонала, в том числе по должностям ректора, проректора, президента, директора филиала (высший уровень управления), директора института, декана факультета (средний уровень управления), заведующего кафедрой (нижний уровень управления).

¹³ О молодежной политике в Российской Федерации. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ // Президент России. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328> (дата обращения 01.05.2025).

[15, с. 441], обозначенный в книге «Диагноз нашего времени», можно немного перефразировать, говоря о функциях поколения: «Что может дать нам каждое поколение и что может ждать от нас каждое поколение?»

Мы исходим из понимания социальных функций поколенческих общностей в вузе как производного от двух признаков: их внутри- и межпоколенческого (внутри- и межобщностного) взаимодействия, а также субъектности поколений НПП, АУР и студентов. Смысл поколенческих функций заключается в способности поколенческой общности осуществлять изменения в других вузовских общностях (образовательных и поколенческих), в университетских процессах и структурах. Кроме того, важное влияние на поколенческие функции оказывает третий общностнообразующий признак — разный характер включенности в различные виды академической деятельности. Он во многом определяет содержание функций поколений.

На рисунке представлены ключевые функции поколений образовательных общностей, выделенные нами в ходе теоретического анализа [10] и верифицированные в полуструктурированных интервью с НПП и АУР в мае — июле 2025 г.¹⁴

Структурно-функциональный взгляд на поколенческие общности в вузе позволяет проанализировать происходящие в российских вузах трансформации возрастной структуры, а значит, и их поколенческого устройства. Такой анализ, с одной стороны, включает количественные параметры поколенческой структуры вуза, а с другой — отражает ее качественное измерение, в частности, выводит на сравнительный анализ функций поколенческих общностей во взаимосвязи с их ресурсностью.

Обратим внимание на соединение в нашей социологической трактовке поколения образовательной общности двух равноважных характеристик — количественных и качественных. На наш взгляд, это соответствует классическому подходу к пониманию поколения, предложенному К. Мангеймом, однако не всегда реализуемому в исследованиях. Чаще всего в них доминируют какие-то одни признаки (как правило, количественные, которые «разбавляются» качественными).

¹⁴ Методом сбора информации было полуструктурированное интервью, сфокусированное на проблемах взаимодействия поколений в университетском сообществе. В качестве информантов выступили представители общностей НПП и АУР вузов УрФО ($n = 41$ человек). Отбор представителей НПП ($n = 20$ человек) осуществлялся в соответствии с тремя критериями: работа в вузе, расположенном в регионе УрФО, тип вуза, дисциплинарный профиль. Отбор представителей АУР ($n = 21$ человек) осуществлялся также по трем критериям: работа в вузе, расположенном в регионе УрФО, тип вуза, уровень управления. Количественные параметры выборки определялись моментом получения повторяющейся информации. Гайд интервью включал блоки вопросов, нацеленных на выявление общих проблем межпоколенческих взаимодействий в университете (в том числе понимания информантами феномена университетских поколений), проблем межпоколенческих взаимодействий в общностях НПП и АУР, возможностей регулирования межпоколенческих взаимодействий в вузах.

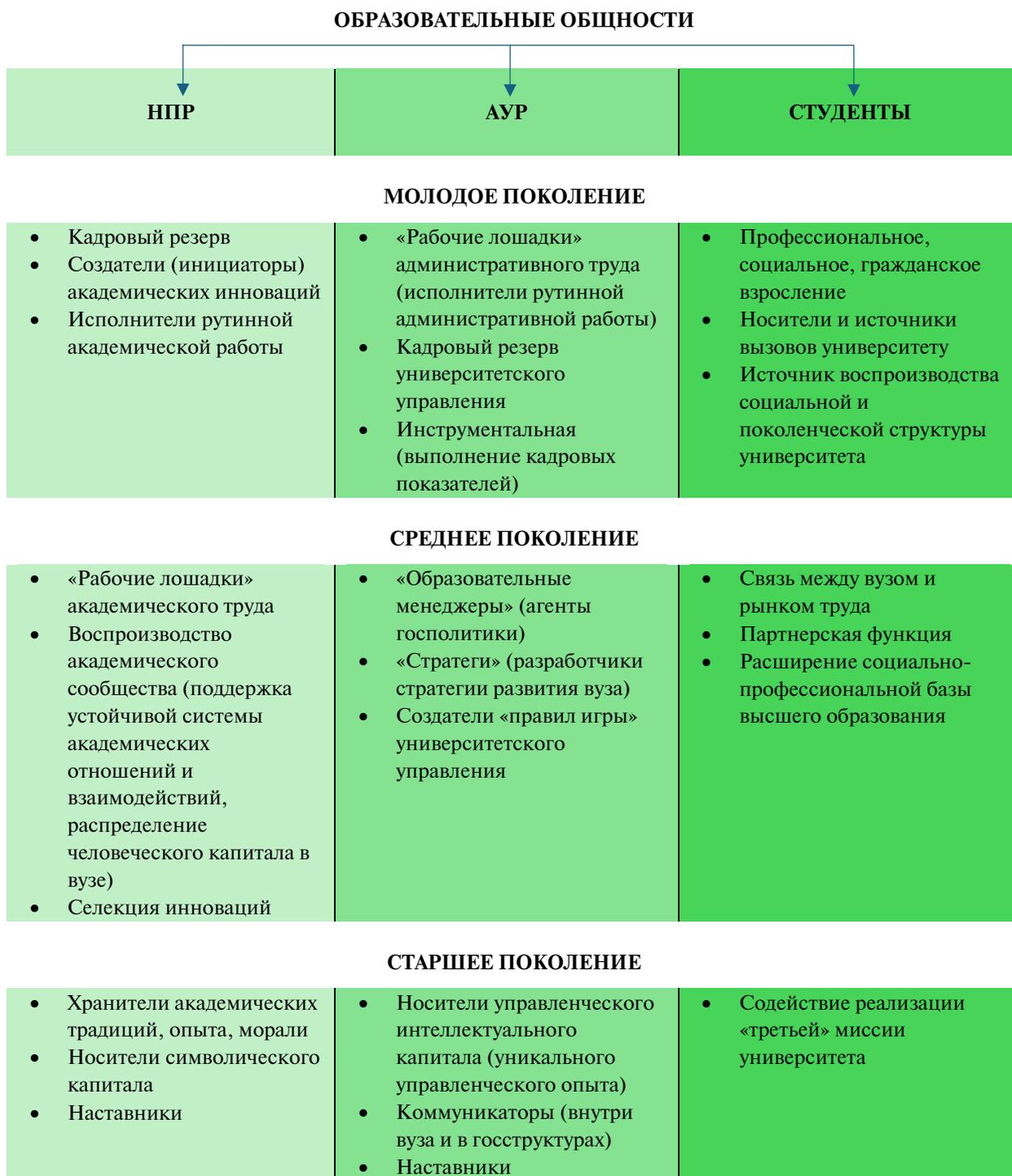

Рис. Функции поколений НПР, АУР и студентов

Заключение

Социологическая интерпретация любого социального феномена предполагает два ее вида — теоретическую и эмпирическую. В данной статье, предметом которой являлась социологическая интерпретация поколений образовательных

общностей российских вузов, был представлен преимущественно теоретический взгляд на проблему, при этом в эмпирическом плане рассмотрены лишь структура и функции поколенческих общностей в вузе. Тем не менее ключевые теоретические положения, базирующиеся на теории поколения К. Мангейма и усиленные современной теорией социальной общности, задают программу эмпирического исследования поколений ключевых вузовских общностей — НПП, АУР и студентов.

Социологическая интерпретация феномена, осуществляемая на теоретическом уровне, означает его истолкование, определение содержания и предметное раскрытие проблемы. В известном смысле можно говорить о теоретической операционализации феномена, предполагающей переход от определений понятий, выбранных для исследования, к их конкретному анализу, обеспечивающему прирост научного знания и повышение возможностей его использования в повседневных вузовских практиках.

Социологическая интерпретация рассматриваемого феномена может быть реализована также в рамках построения определенного сюжета, когда на основе конкретных данных предлагается некое объяснение, обобщенное высказывание, авторская трактовка. Следовательно, социологическая интерпретация связана с выявлением содержания и структуры поколенческой общности в вузе (и понятия, его отражающего), взаимосвязи и взаимовлияния составляющих ее компонентов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зборовский Гарольд Ефимович — доктор философских наук, профессор-исследователь, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. **Телефон:** +7 (343) 375-48-22. **Электронная почта:** garoldzborovsky@gmail.com

Амбарова Полина Анатольевна — доктор социологических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. **Телефон:** +7 (343) 375-48-22. **Электронная почта:** borges75@mail.ru

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. VOL. 31. NO. 3. P. 100–119. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.3.6

Research Article

GAROLD E. ZBOROVSKY¹, POLINA A. AMBAROVA¹

¹ Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. bl. 19, Mira st., 620002, Ekaterinburg, Russian Federation.

GENERATIONS OF UNIVERSITY EDUCATIONAL COMMUNITIES: SOCIOLOGICAL INTERPRETATION OF THE PHENOMENON

Abstract. The relevance of the sociological understanding of such a phenomenon as “generations of educational communities in universities” stems from the need to create theoretical foundations for generational research in higher education. The general theory of generations needs to be adapted to the specifics of the generational situation in higher education. The problem discussed in this article has to do with the lack of a sociological interpretation of the generations of the primary subjects of higher education — academic, administrative staff, students — at a conceptual level and as a real social phenomenon. The purpose of the article is to develop theoretical and methodological provisions that reveal the essence of the phenomenon of the generation of the university educational community from a sociological perspective. The article presents methodological approaches towards studying generations that are relevant to higher

education. The concept of the “generation of the educational community at the university” is interpreted in the context of the classical theory of K. Mannheim and the theory of social community. The main community-forming features of the generation of the university educational community are revealed. The structure and functions of generations of three university educational communities are considered.

Keywords: theory of generations; higher education; university educational communities; generation of the university educational community; academic and administrative staff of universities; students; functions of generations of university educational communities.

For citation: Zborovsky, G.E., Ambarova, P.A. Generations of University Educational Communities: Sociological Interpretation of the Phenomenon. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 3. P. 100–119. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.3.6](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.3.6)

Acknowledgements. The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation № 25-18-00206, <https://rscf.ru/project/25-18-00206/>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Garold E. Zborovsky — Doctor of Sociological Sciences, Research Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. **Phone:** +7 (343) 375-48-22. **Email:** garoldzborovsky@gmail.com
Polina A. Ambarova — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. **Phone:** +7 (343) 375-48-22. **Email:** borges75@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Галынская Ю.С., Звягинцев В.В., Коростелева Н.А. Управление межпоколенческим конфликтом в образовательном пространстве вуза // Теория и практика общественного развития. 2021. № 7. С. 26–33. DOI: [10.24158/tipor.2021.7.3](https://doi.org/10.24158/tipor.2021.7.3) EDN: LPJFNZ
 Galynskaya Yu.S., Zvyagintsev V.V., Korosteleva N.A. Managing the intergenerational conflict in the educational space of the university. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2021. No. 7. P. 26–33. DOI: [10.24158/tipor.2021.7.3](https://doi.org/10.24158/tipor.2021.7.3) (In Russ.).
2. Глотов М.Б. Поколение как категория социологии // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 42–48. EDN: OWMZGP
 Glotov M.B. Generation as a category of sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2004. No. 10. P. 42–48. (In Russ.).
3. Дзахова Л.Х., Бадова Л.А. Эстафета поколений в элитологическом измерении // Власть. 2017. Т. 25. № 2. С. 116–122. EDN: YULLEJ
 Dzakhova L.H., Badova L.A. The relay race of generations in the elitist dimension. *Vlast'*. Vol. 25. No. 2. P. 116–122. (In Russ.).
4. Докторов Б.З. Биографические интервью с коллегами-социологами. 4-е дополненное издание. М.: ЦСПиМ, 2014. Дата обращения 30.06.2025. URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=385>
 Doktorov B.Z. *Biographical interviews with fellow sociologists*. 4th ed. Moscow: TSSP publ., 2014. Accessed 30.06.2025. URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=385> (In Russ.)
5. Дубин Б.В. Поколение. Социологические и исторические границы понятия // Дубин Б.В. Интеллектуальные группы и символические формы: Очерки социологии современной культуры. М.: Новое изд-во, 2004. С. 47–58. EDN: XMZRCF
 Dubin B.V. Generation. Sociological and historical boundaries of the concept. *Intellectual groups and symbolic forms: Essays on the sociology of modern culture*. Moscow: Novoe izdatel'stvo publ., 2004. P. 47–58. (In Russ.)
6. Жарова Е.Н., Агамирова Е.В. Мониторинг инструментов финансовой поддержки молодых исследователей в России // Управление наукой и наукометрия. 2020. Т. 15. № 3. С. 356–409. DOI: [10.33873/2686-6706.2020.15-3.356-409](https://doi.org/10.33873/2686-6706.2020.15-3.356-409) EDN: KSSYXG

- Levada Yu.A. Generation of the XX century: research opportunities. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2001. No. 5. P. 7–14. (In Russ.)
15. Манхейм К. Диагноз нашего времени / [Пер. с англ.] М.: Юрист, 1994. — 700 с.
Mannheim K. *The diagnosis of our time*. [Transl. from Eng.] Moscow: Yurist publ., 1994. 700 p. (In Russ.).
16. Мангейм К. Очерки социологии знания. Проблема поколений — состязательность — экономические амбиции. М.: ИНИОН РАН, 2000. 164 с. EDN: [LAFQOX](#)
Mannheim K. *Essays on the sociology of knowledge. The problem of generations — competitiveness — economic ambitions*. Moscow: ISSS RAS publ., 2000. 164 p. (In Russ.).
17. Петрова Г.И. Современный университет как корпорация: новая роль традиционной корпоративности // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22. № 2. С. 25–33. DOI: [10.15826/umpa.2018.02.013](#) EDN: [XOTLRJ](#)
Petrova G.I. Modern university as a corporation: a new role for traditional corporatism. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 2018. Vol. 22. No. 2. P. 25–33. DOI: [10.15826/umpa.2018.02.013](#) (In Russ.).
18. Пугач В.Ф. Еще раз о возрасте преподавателей в российских вузах: старые проблемы и новые тенденции // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 3. С. 118–133. DOI: [10.31992/0869-3617-2023-32-3-118-133](#). EDN: [TRAEQT](#)
Pugach V.F. One More Time about the Age of Teachers in Russian Universities: Old Problems and New Trends. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2023. Vol. 32. No. 3. P. 118–133. DOI: [10.31992/0869-3617-2023-32-3-118-133](#) (In Russ.).
19. Радаев В.В. Кризис в современном преподавании: что именно пошло не так? // Социологические исследования. 2022. № 6. С. 114–124. DOI: [10.31857/S013216250019853-1](#) EDN: [EITGKC](#)
Radaev V.V. Crisis in the Modern University Teaching: What went wrong? *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022. No. 6. P. 114–124. DOI: [10.31857/S013216250019853-1](#) (In Russ.).
20. Разина Т.В. Профессиональные научные ценности трех поколений российских ученых // Вестник Сыктывкарского университета. Серия 2: Биология. Геология. Химия. Экология. 2019. № 9. С. 7–17. EDN: [ZGXPTU](#)
Razina T.V. Professional scientific values of three generations of Russian scientists. *Vestnik Syktyvkarского университета. Seriya 2: Biologiya. Geologiya. Himiya. Ekologiya*. 2019. No. 9. P. 7–17. (In Russ.).
21. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. О некоторых аспектах демографического анализа // Народонаселение. 2014. № 1. С. 44–53. EDN: [SJGICL](#)
Rybakovsky O.L., Tayunova O.A. On some aspects of demographic analysis. *Narodonaselenie*. 2014. No. 1. P. 44–53. (In Russ.).
22. Савельева И.М., Поletaев А.В. Классическое наследие. М.: Изд. дом ВШЭ, 2010. 335 с. EDN: [QOLAQR](#)
Savelyeva I.M., Poletaev A.V. *Klassicheskoe nasledie* [Classical heritage]. Moscow: Izd. Dom HSE publ., 2010. 335 p. EDN: [QOLAQR](#) (In Russ.).
23. Семенова В.В. Дифференциация и консолидация поколений // Россия: трансформирующееся общество. М.: Издательство «КАНОН-пресс-Ц», 2001. С. 256–271. EDN: [SYMMUX](#)
Semenova V.V. Differentiation and consolidation of generations. *Russia is a transforming society*. Moscow: CANON-press-Ts publ., 2001. P. 256–271. (In Russ.).

24. Тазов П.Ю. Динамика ценностей российской молодежи 1960–2010 гг. в социокультурном анализе // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1435. EDN: VIEYUH
Tazov P.Y. Dynamics of values of Russian youth 1960–2010 in the socio-cultural analysis. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2015. No. 1-1. P. 1435. (In Russ.).
25. Твенге Д. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным. М.: РИПОЛ классик, 2019. 406 с.
Twenge D. *Generation I. Why the Internet generation has lost its rebellious spirit and become more tolerant*. Moscow: RIPOL Classic publ., 2019. 406 p. (In Russ.).
26. Шанин Т. История поколений и поколенческая история // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 3. С. 6–25. EDN: OLBGBQ
Shanin T. The history of generations and generational history. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*. 2005. No. 3. P. 6–25. (In Russ.).
27. Bourdieu P. La “jeunesse” n’est qu’un mot. Entretien avec Anne-Marie Métaillé. *Les jeunes et le premier emploi*. Paris: Association des Ages, 1978. P. 520–530. Accessed 02.08.2025. URL: <http://www.homme-moderne.org/societe/socio/bourdieu/questions/jeuness.html>
28. Strauss W., Howe N. *Generations: The History of America’s Future, 1584 to 2069*. N.Y.: William Morrow & Co, 1991. 538 p.

Статья поступила в редакцию: 03.08.2025; поступила после рецензирования и доработки: 14.09.2025; принята к публикации: 18.09.2025.

Received: 03.08.2025; revised after review: 14.09.2025; accepted for publication: 18.09.2025.